

Фененко Н.А.

**РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ БИЛИНГВИЗМ
КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ©**

*Воронежский государственный университет,
Россия, Воронеж, fenenko@rgph.vsu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации идентичности субъекта, которая проявляется в ситуации билингвизма через изменение оппозиции «свой» / «чужой». Анализ романа Ф.М. Достоевского «Бесы» позволил выявить в речи персонажа маркеры «чужого», в качестве которых выступают разнообразные французские вкрапления. Особенности их функционирования в тексте отражают этнокультурный диссонанс, который проявляется в возвышении «чужого» и принижении «своего», что характеризует анализируемый персонаж как личность с конфликтной индивидуальной идентичностью.

Ключевые слова: идентичность; индивидуальная идентичность; трансформация идентичности; конфликтная идентичность; русско-французский билингвизм; художественный дискурс.

Поступила: 11.03.2024

Принята к печати: 10.01.2025

Fenenko N.A.
Franco-Russian bilingualism
as a factor of identity transformation©

*Voronezh State University,
Russia, Voronezh, fenenko@rgph.vsu.ru*

Abstract. The paper addresses the issue of identity transformation which manifests itself through alterations in the opposition “own” / “alien”. The analysis, based on Fyodor Dostoevsky’s novel “The Possessed”, reveals numerous “alien” markers in the character’s speech. The way in which these elements function in the text reflects an ethnic and cultural dissonance. Main signs thereof are the elevation of the “alien” and the denigration of the “own” which confirms that the character in question is an individual with conflicting personal identity.

Keywords: identity; individual identity; identity transformation; conflicting identity; franco-russian bilingualism; literary discourse.

Received: 11.03.2024

Accepted: 10.01.2025

Введение

Проблема идентичности как осознание человеком самого себя через набор устойчивых характеристик как «основы формирования ценностного отношения человека к миру, системы его мировидения и факторов его поведения» [Викулова, 2021, с. 109] широко обсуждается в современных гуманитарных науках. Интерес к этой проблеме обусловлен тем, что «осознание своей идентичности является одним из центральных аспектов личностного самоопределения и самосознания человека, помогая ему оставаться самим собой в меняющихся ситуациях и доставляя критерии для оценки окружающего мира и самооценки» [Большая российская энциклопедия]. Анализируя понятие идентичности, исследователи отмечают его многоаспектный, гетерогенный характер, выявляя реляционность, фрагментарность, множественность проявлений данного феномена и, следовательно, разнообразие критериев его классификации.

Некоторые ученые считают, что современное осмысление этой категории предполагает эволюцию терминологического аппарата ее описания. Так, авторы одной из глав монографии «Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу» пишут: «Если

ранее наиболее удобными терминами для обозначения самоопределения человека по отношению к миру и другим в мире, то есть определения своей идентичности, являлась триада (культурная идентичность / этническая идентичность / национальная идентичность), то сегодня проявляется тенденция включения данных понятий в онтологически более объемные термины (индивидуальная / коллективная идентичность)» [Викулова, 2021 с. 109]. Л.И. Гришаева полагает, что типология идентичности должна базироваться на трехчленной оппозиции: индивидуальная / личностная / коллективная, где индивидуальная и личностная являются разновидностями Я-идентичности, а коллективная – разновидностью Мы-идентичности [Гришаева, 2007, с. 132]. Разделяя точку зрения Я. Ассманна, Л.И. Гришаева определяет индивидуальную идентичность как сложившийся в сознании индивида образ, включающий в себя отдельные признаки, отличающие одного индивида от других, и благодаря которому этого индивида нельзя спутать ни с каким другим. Личностная идентичность понимается как совокупность ролей, качеств и компетенций, которые свойственны индивиду вследствие его социализации. Коллективная идентичность определяется как представление, которое складывается у некоторой группы относительно самой себя и с которым все члены этой группы идентифицируют себя. В такой интерпретации идентичность предстает как комплексное и сложно организованное явление, в котором проявляется единство универсального и специфического, индивидуального и коллективного, психологического и культурного, биологического и социального начал в человеке. Идентичность, таким образом, может быть представлена как некоторая социальная равнодействующая, в которой сходятся как индивидуальные черты субъекта, так и общезначимые для данной культуры свойства [там же, с. 116, 130–131].

При анализе идентичности в гуманитарных науках, в частности в лингвистических [Озюменко, 2019] и психолингвистических исследованиях, подчеркивается психологическая природа данного феномена: «...это аспект самосознания индивида, переживания им своего Я, что проявляется, прежде всего, в процессах речесмыслопорождения» [Пищальникова, 2023, с. 4]. Из этого следует, что специфика характера идентичности и ее рефлексии актуализируется именно в речевом действии [там же, с. 12], где культурная идентичность субъекта репрезентируется через серию признаков, «условно закрепленных в своей / чужой культуре / субкультуре за

этой культурой / субкультурой» [Гришаева, 2007 с. 131]. В таком ракурсе оппозиция *свой / чужой*, становится одной из центральных оппозиций, в которой *свое* (внутрикультурное) рассматривается как истинное, а *чужое* (инокультурное) – как отрицание своего, а значит, враждебное.

Важная задача лингвистических исследований заключается в установлении видов идентификационных дискурсов [Викулова, 2021 с. 110], поскольку формирование идентичности осуществляется именно в дискурсивных практиках, где она проявляется «на основе базовой ценностной оппозиции *свой, свое, наше, чужой, чужое, их*, которая не столько рационально осмысливается, сколько переживается, затрагивая сокровенно-личностное для человека» [там же, с. 109]. И хотя большинство исследований в этом направлении проводится на материале современных СМИ, отмечается повышение интереса лингвистов и к анализу проблем идентичности в художественном дискурсе [Викулова, Кулагина, 2013; Чупрына, Кузина, 2021; Меняйло, 2013; Меняйло, 2016].

Цель данного исследования – проследить отображение в художественном дискурсе особенностей трансформации культурной идентичности личности в условиях русско-французского билингвизма.

Материалом для анализа послужил роман Ф.М. Достоевского «Бесы», в котором показан процесс проявления индивидуальной идентичности на примере конкретной личности – Степана Трофимовича Верховенского. Его, как и героев всех своих произведений, Достоевский «характеризует с помощью ситуаций, этических конфликтов, психологических и душевных дразг» [Набоков, 1999, с. 183].

В процессе анализа использовался метод функционально-стилистического анализа текста, который позволяет выявить особенности речевой деятельности субъекта, осуществляющего в процессе коммуникации смену языковых кодов.

Гипотеза исследования формулируется нами следующим образом: использование в речи персонажа многочисленных французских вкраплений является маркером формирования у него индивидуальной культурной идентичности, которую можно определить как «конфликтную идентичность», поскольку в ее основе лежит рефлексия «своего» как негативного, а «чужого» как позитивного, что разрушает иммунитет «своей» культуры по отношению к «чужой».

Методологическую базу нашего исследования составляют положения о понимании французско-русского билингвизма как:

– феномена, определяющего в течение многих десятилетий интеллектуальную и бытовую жизнь русского дворянства;

– отражения культурного диалога между Россией и Францией, резюмированного Н.М. Карамзиным оппозицией «французский ум и русская душа», в котором французский ум как модель французской интеллектуальной культуры ассоциировался в русском сознании с Вольтером, воплощавшим «квинтэссенцию французского ума, блестящего остроумия и вместе с тем рассудочности, холодной иронии», а русская душа – с Петром I как «цивилизованным варваром», который отличается независимостью и наивным здравым смыслом [Забабурова, 2007, с. 214–228];

– восприятия гетеростереотипов («простых оценочно маркированных образцов восприятия других людей» [Карасик, 2021, с. 177]), сформированных как противоположные: французского в восприятии русских – как преимущественно положительного и привлекательного, русского в восприятии французов – как преимущественно отрицательного, экзотического, недостаточно цивилизованного;

– эстетического приема создания колорита эпохи, характеристики персонажей, раскрытия внутреннего мира героя, его индивидуальной идентичности через его «речевой портрет»;

– отражения идейно-эстетической позиции автора в романе «Бесы», где русско-французский билингвизм выступает проявлением отрицательного отношения Ф.М. Достоевского к французскому социализму, в котором он видел явление чуждое и враждебное России [Бердяев, 1993, с. 178]. Как следствие, по-французски говорят герои, чуждые писателю по идейно-нравственным убеждениям.

Результаты исследования

В процессе анализа речи Степана Трофимовича Верховенского – ключевой фигуры романа «Бесы», наиболее ярко выражающего собирательные черты русских западников и типизирующие особенности мировоззрения, умонастроения и психологического склада «либералов-идеалистов» 1840-х годов [Тарасов, 1993, с. 14], выделены следующие типы французских вкраплений (здесь и далее примеры цитируются по [Достоевский, 1993]):

– русские имена собственные во французской орфографии: *Lise, Nicolas, Andrejev, Lipoutine*;

– формы этикетного обращения: *Madame Виргинская*;

– узуальные французские вводные слова и выражения:

Entre nous soit-dit, ничего не могу вообразить себе комичнее того мгновения, когда Гоголь (тогдашний Гоголь!) прочел это выражение...

– французские восклицания, междометия, вводные слова:

Ma foi, я и сам все это время...

O! Dieu qui est si grand et si bien! O, кто меня успокоит! – воскликнул он.

– французские поговорки, устойчивые выражения: *C'est le mot*; *On m'a traité comme un vieux bonnet de coton*;

– реалии-символы французской культуры, переданные в русской транскрипции (*Марсельеза*, *Алексис де Токвиль*, *Поль де Кок*, *Паскаль*).

Таким образом, маркерами «чужого» вербального кода в речи персонажа выступают многочисленные французские вкрапления, репрезентируемые вербальными средствами, которые выполняют различные функции.

Анализ функциональных особенностей французских вкраплений позволяет выделить следующие их функции в речи персонажа.

Функция маркера чужой культуры проявляется как универсальная, свойственная всем перечисленным выше заимствованным из французского языка вербальным средствам.

Маркеры «чужого» присутствуют в виде вкраплений в речь персонажа отдельных французских слов или словосочетаний (*Cher*, я и сам как во сне), предложений (*Enfin, tout est dit*) или причудливо построенных «макаронических» конструкций (*ce qu'on appelle le veneu*). Маркерами «чужого» выступают в тексте и прецедентные феномены, которые относятся к национально-когнитивной базе французской культуры и были хорошо известны образованной франкоговорящей части русского общества XIX в., для которой носили «социопрецедентный» (термин В.В. Красных [Красных, 2003, с. 174]) характер. В качестве прецедентного феномена, характеризующего образ Верховенского, автор использует, в частности, имя Алексиса де Токвиля – одного из известных и модных в те времена французских философов, автора трактата «Демократия в Америке». Из текста романа читатель узнает, что Верховенский нередко брал с собой на прогулку *томик Токевиля*. Достоевский не случайно выбирает здесь письменную, а не устную форму произношения фамилии (*Tocqueville* в устной речи должно звучать как *Токвиль*): так подчеркивается нарочитая «ученость» Верховенского, его намерение следовать распространенной

в екатерининские времена традиции произносить известные фамилии на научный, латинский лад (Дидерот, Гельвециус). Однако к середине XIX в. такое прочтение стало уже анахронизмом и воспринималось как ироническое (ср. с другим радикальным западником Федором Павловичем Карамазовым, который намеренно говорит вместо Дидро – *философ Дидерот*).

Функция маркера чужой культуры актуализируется во всех контекстах, где отмечается смена русского и французского речевых кодов, и проявляется через серию других функций, носящих более узкий, специальный характер. Среди них отметим следующие.

Функция престижности реализуется в случаях замены русского имени французским, что было не просто модой того времени, но и свидетельством престижа, принадлежности его носителя к благородной части общества. Можно согласиться с мнением о том, что изменение имени во многом соотносится с меняющейся идентичностью, поскольку «новое имя призвано поместить его носителя в новый социокультурный контекст и, таким образом, служит меткой новой социальной роли не только для носителя имени, но и для всего сообщества» [Чупрына, 2021, с. 84]. Иначе говоря, в сознании большого числа людей переименование есть по своей сути перемена идентичности [там же, с. 83].

Функция доверительного общения выявляется в контекстах, где Верховенский использует в речи распространенные французские выражения, которые интимизируют высказывание, придавая ему доверительный характер, например *entre nous soit-dit* (между нами говоря).

Резюмирующая функция характеризует контексты, в которых французские вкрапления используются, чтобы подвести итог мыслям и соображениям говорящего (*en un mot* – словом) или противопоставить одну мысль другой (*mais distinguons* – но давайте различать). Например:

En un mot, этот Андрей Антонович, хотя и русский немец православного исповедания...

Не понимаю, почему меня все здесь выставляют безбожником? – говаривал он иногда, – я в бога верую, mais distinguons, я верую, как в существо.

Апеллятивная функция актуализируется в тех контекстах, в которых маркерами «чужого» в речи Верховенского выступают типичные для французского языка этикетные обращения. В тексте

отмечаются как нейтральные формы обращения (*Madame*), так и обращения более сильного эмоционально-экспрессивного содержания:

Mais, ma bonne amie, положим я ошибусь, но ведь... (досл.: моя дорогая подруга);

Вам, *excellente amie*, без всякого сомнения, известно, говорил он, кокетничая и щегольски растягивая слова... (досл.: прекрасная подруга).

Подобные апеллятивы выполняют, кроме того, **экспрессивную функцию**, в реализации которой участвует большинство французских вкраплений. При этом их количество увеличивается в зависимости от эмоционального состояния персонажа: чем сильнее эмоции, тем больше доля французского текста – от отдельного слова до целого предложения и целого абзаца. Ср.: *Если ... если я. ... – залепетал он в жару, краснея, обрываясь и заикаясь, – если я тоже слышал самую отвратительную повесть или, лучше сказать, клевету, то... в совершенном негодовании... enfin, c'est un homme perdu et quelque chose comme un forçat évadé* (досл.: в конце концов, это какой-то потерянный человек, как какой-то сбежавший каторжник).

Lise! Вскричал и Степан Трофимович, бросаясь к ней тоже почти в бреду. *Chère, chère*, неужто и вы... в таком тумане? Видите: зарево! *Vous êtes malheureuse, n'est-ce pas?* Вижу, вижу, но не спрашивайте и меня. *Nous sommes tous malheureux, mais il faut les pardonner tous. Pardonnons, Lise*, и будем свободны навеки. (досл.: Лиз! Дорогая, дорогая. Вы несчастны, да? Мы все несчастны, но нужно их всех простить. Простим, Лиз).

Эти высказывания произносятся персонажем в сильном волнении (а как известно, именно в состоянии аффекта и проявляется истинная сущность героев Достоевского), о чем свидетельствуют используемые лексические и синтаксические особенности контекста, например, авторские ремарки (*весь в волнении; залепетал он, краснея, обрываясь и заикаясь; вскричал*), обилие восклицательных, вопросительных, эллиптических предложений, другие элементы эмотивного синтаксиса. Подобные примеры подтверждают мысль о том, что и национальная и культурная идентичность неизбежно связаны с оценочностью и аффективным восприятием [Чупрына, 2021, с. 76].

Эмоционально-оценочную функцию выполняют имена собственные, если они сопровождаются в речи Верховенского французскими служебными словами (указательными или притяжатель-

ными прилагательными, артиклями), что придает контексту ярко выраженный иронический оттенок:

Где, наконец, я, я сам, прежний я, стальной по силе и непоколебимый, как утес, когда теперь какой-нибудь Andrejeff, un православный шут с бородой...

Этот прием распространяется и на имена нарицательные, особенно там, где Верховенский говорит о себе с наигранной иронией:

Mon cher, je suis un опутившийся человек (досл.: Мой дорогой, я есть...).

...друг мой, я открыл ужасную для меня... новость: je suis un простой приживальщик, et rien de plus! Mais r-r-rien de plus! (досл.: я есть... и ничего больше! Ну ни-и-и-чего больше).

В подобных контекстах иноязычные вкрапления нередко сопровождают русские реалии и призваны выделить их, усилить, привлечь к ним особое внимание [Фененко, 2001, с. 112]. При этом говорящий как бы помещает слово во французскую кольцевую структуру, акцентируя его повторами – синтаксическим и эмфатическим (*r-r-rien*). В других случаях он противопоставляет «свою» реалию «чужой», сохраняя фонетическую специфику последней:

Все вы из «недосиженных», шутливо замечал он Виргинскому, все подобные вам, хотя в вас, Виргинский, я и не замечал той ограниченности, которую встречал в Петербурге chez ces séminaristes, но все-таки вы «недосиженные» (досл.: у этих семинаристов).

В таких отрывках отмечается переход от свойственного Верховенскому дидактического типа имплицитности к агональному, который предполагает «игровую тональность общения, содержащую разного рода иронические сигналы, фрондирование, подразумевающее несогласие с чьей-либо точкой зрения, намеки, ставящие адресата в неудобное положение» [Карасик, 2021, с. 184–185].

Функция этнокультурного диссонанса является одной из важнейших, поскольку непосредственно через нее проявляются характеристики, связанные с идентичностью субъекта. Наличие в тексте многочисленных маркеров «чужого» способствует созданию так называемого этнокультурного диссонанса, обусловленного категорией инаковости [Викулова, 2021, с. 119], когда «чужой», то есть объективно «иной» выступает как более близкий, то есть «свой», а «свой», напротив, как «чужой». Реализуемую в этом случае функцию мы считаем возможным, воспользовавшись термином, предложенным Л.Г. Викуловой, определить как функцию

этнокультурного диссонанса. Она проявляется в речи Верховенского в возвышении «чужого» и одновременно в принижении «своего». Ср., например:

Vous savez, chez nous... En un mot, поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтет себя вправе смотреть на вас Юпитером, когда вы пойдете взять билет, pour vous montrer son pouvoir. «Дай-ка, дескать, я покажу над тобою мою власть...» И это в них до административного восторга доходит... *En un mot, я вот прочел, что какой-то дьячок в одной из наших заграничных церквей, – mais c'est très curieux, – выгнал, то есть выгнал буквально, из церкви одно замечательное английское семейство, les dames charmantes, пред самым началом великопостного богослужения, – vous savez ces chants et le livre de job – единственно под тем предлогом, что «шататься иностранцам по русским церквям есть непорядок и чтобы приходили в показанное время...», и довел до обморока... Этот дьячок был в припадке административного восторга, et il amontré son pouvoir...*

В приведенном отрывке ярко прослеживается отношение Верховенского в «своему» (русскому) и «чужому» (иностранному), что передается с помощью оппозитивных номинаций. Так, при характеристике русских он использует лексические единицы с отрицательной коннотацией: *последняя ничтожность, какой-то дьячок; дрянные билеты, шататься по церквям, выгонять оттуда буквально, в припадке административного восторга.* При описании иностранцев, напротив, употребляет положительно окрашенную лексику: *замечательное английское семейство, очаровательные дамы.*

Функция этнокультурного диссонанса реализуется через проявление отношения персонажа к «базовым ценностям», к которым относятся Родина, Россия, патриотизм [Пищальникова, 2023, с. 11]. Ориентированный на западные ценности, Верховенский негативно относится к России, говорит о бесплодности русской культуры. Ирония по отношению к родной стране, которая, по его словам, «есть слишком великое недоразумение, чтобы нам его разрешить без немцев и труда», проявляется в его речи с помощью смены кодов – калькирования на французский язык выражения «святая Русь»:

По-моему, и довольно бы для России, pour notre Sainte Russie (досл.: для нашей Святой Руси).

Этнокультурный диссонанс характерен для отношения Верховенского к одаренным и передовым людям в России, которых он считает картежниками и пьяницами:

Tous les hommes de genie et de progrès en Russie étaient, sont et seront toujours des картежникии des пьяницы, qui boivent en zapoi... а я все еще не такой картежник и не такой пьяница (досл.: Все одаренные и прогрессивные люди в России были, есть и всегда будут..., которые пьют запоем).

Принцип возвышения «чужого» и принижения «своего» прослеживается у Верховенского и в отношении родного языка:

...во-вторых, мы, русские, ничего не умеем на своем языке сказать... По крайней мере, ничего еще не сказали (досл.: и потом...).

Ср. также: *Я сердцем с вами и ваш, с одной всегда en tout pays и хотя бы даже dans le pays de Makar et de ses veaux, о котором помните, так часто мы, трепеца, говорили в Петербурге перед отъездом* (досл.: всей страной; в стране Макара и его телят...).

Второе предложение интересно как пример иронической передачи фразеологически выраженного этноспецифического концепта. Степан Трофимович намеренно дословно переводил русские пословицы и поговорки на французский язык (в данном случае «Куда Макар телят не гонял») и находил это остроумным. В действительности он хорошо владел французским языком, «по-французски говорил, как парижанин» [Достоевский, 1993, с. 37], о чем свидетельствуют сложные и корректно сконструированные им французские предложения.

Знаковая функция выступает как ключевая в произведении Ф.М. Достоевского, поскольку отражает художественный замысел автора и объединяет вокруг себя все остальные функции и вербальные средства их актуализации, раскрывая истинную сущность Верховенского-старшего. Основные черты этого персонажа – безверие, нравственный релятивизм – выдают в нем истинного западника, отца русских революционеров, в которых Ф.М. Достоевский открыл одержимость, бесноватость [Бердяев, 1993, с. 90]. Образ Степана Трофимовича можно назвать знаковым для характеристики поколения таких «отцов».

Раскрывая особенности личности Верховенского, автор постоянно отмечает двойственность его натуры: ему свойственны «с одной стороны, возвышенность, благородство, “что-то вообще прекрасное”, а с другой, – какая-то невнятность, неочерченность, половин-

чатость» [Тарасов, 1993, с. 14]. Он стремится быть ближе к западной культуре, но в то же время хотел бы, чтобы его имя произносилось «наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшегося тогда за границей Герцена». Национально-прецедентные имена русской культуры, сопровождаемые хронологическими маркерами-димиутивами (*одну самую маленькую минуточку, почти в ту же минуту, чуть не наряду*), усиливают ироническое изображение Верховенского, который не может ни полностью отойти от своей культуры, ни интегрироваться в чужую.

Лжеученость Верховенского передается в тексте через прецедентный феномен французской культуры – писателя Поля де Кока – автора бульварных романов. Здесь Достоевский также прибегает к приему оппозиции: Верховенский берет с собой в сад произведение Токвиля, а «в кармашке несет спрятанного Поль де Кока». Иначе говоря, чтение бульварных романов он маскирует чтением «Токевиля», на самом деле не читая его. Такое противопоставление прецедентных имен подчеркивает двойственность натуры Верховенского, отсутствие у него твердых духовно-нравственных убеждений: «Главное в том, что я сам себе верю, когда лгу. Всего труднее в жизни и не лгать... и... собственной лжи не верить», – признается он.

Прецедентные маркеры идентичности предстают в «Бесах» как сложные политико-философские образы, которые отражают чувство социальной и национальной причастности персонажей. Можно согласиться с мнением о том, что «изменения, затрагивающие основные составляющие культурной идентичности – язык, вокабуляр, дискурсивные модели и социокультурный контекст, – в итоге приводят к трансформации культурной идентичности» [Чупрына, 2021, с. 82].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что использование в тексте французских вкраплений представляет собой не просто способ иронического освещения образа Верховенского. Этот стилистический прием приобретает у Ф.М. Достоевского культурно-идеологический характер: «чужой» язык есть проявление «чужой» культуры, «чужого» и, следовательно, чуждого менталитета, чужой идентичности. Столкновение двух языков отражается в романе «Бесы» как столкновение двух культур – русской и

французской. В этом контексте Верховенский-старший предстает как двойственная личность: будучи ориентированным на ценности «чужой», западной цивилизации, он воспринимает «свое» как негативное, а «чужое», напротив, как позитивное, разрушая таким образом «иммунитет» собственной культуры по отношению к «чужой». Его индивидуальная идентичность базируется на отказе от «своей» коллективной идентичности в пользу «чужой». Подобная трансформация свидетельствует о том, что субъект находится в состоянии некой конфликтной идентичности, структура которой включает в себя отдельные признаки как «своей», так и «чужой» коллективной идентичности.

Список литературы

- Бердяев Н.А.* О русских классиках. – Москва : Высшая школа, 1993. – 368 с.
- Большая Российская энциклопедия. – URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2000174>
- Викулова Л.Г.* Диалогические дискурсивные структуры социального конструирования: миграция как контекст идентификационных установок // Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Герасимова С.А. Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу: коллективная монография / отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. – Москва : Издательский дом ВКН, 2021. – С. 104–137.
- Викулова Л.Г., Кулагина О.А.* Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои – чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Черная тетрадь») // Вестник Московского городского педагогического университета. Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – № 2(12). – С. 33–42.
- Гришаева Л.И.* Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. – Воронеж : Воронежский государственный университет. 2007. – 261 с.
- Достоевский Ф.М.* Бесы : роман в 3 ч. / авт. вступ. статьи Б.Н. Тарасов. – Москва : Современник, 1993. – 638 с.
- Забабурова Н.В.* Французский ум и русская душа // Россия и Запад: избирательное сродство : в 2 т. Ч. 1. Зарубежная литература. – Ростов н/д : Логос, 2007. – С. 214–228.
- Карасик В.И.* Имплицитность в межкультурной коммуникации // Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу / отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. – Москва : Издательский дом ВКН, 2021. – С. 172–195.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с.
- Меняйло В.В.* Проблема идентичности в романе Дж. Фаулза «Дэниел Мартин» // Ното Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : сб. научных статей / под ред. И.Ю. Щемелевой. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 185–191.

- Меняйло В.В. Репрезентация национальной идентичности в английской литературе XX века: традиции и трансформации // *Studia Linguistica*. – Санкт-Петербург, 2016, № XXV. – С. 165–172.
- Набоков В.В. Федор Достоевский // *Лекции по русской литературе* / пер. с англ. – Москва : Независимая газета, 1999. – С. 175–220.
- Озюменко В.И., Горностаева А.А., Борисова А.С. Идентичность в современных лингвистических исследованиях // *Guadernos de Rusistica Espanola*. – 2019. – Т. 15. – С. 87–99.
- Психолингвистический эксперимент и исследование идентичности / Пищальникова В.А., Степыкин Н.И., Адамова З.Г., Хлопова А.И. / под ред. В.А. Пищальниковой – Москва : Спутник+, 2023, – 112 с.
- Тарасов Б.Н. Вечное предостережение // Достоевский Ф.М. Бесы. – Москва : Современник, 1993. – С. 5–26.
- Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка / под ред. проф. А.А. Кретьова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. – 140 с.
- Чупрына О.Г. Идентичность как лингвистическая и культурная проблема // *Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу* / отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. – Москва : Издательский дом ВКН, 2021. – С. 73–103.
- Чупрына О.Г., Кузина О.Г. Стратегии создания национальной речевой среды в «новых английских» литературах // *Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу : коллективная монография* / отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. – Москва : Издательский дом ВКН, 2021. – С. 218–239.

References¹

- Berdyayev, N.A. (1993). *O russkikh klassikakh*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Bolshaya Rossiyskaya enciklopediya. Retrieved from: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2000174>
- Vikulova, L.G. (2021). Dialogicheskie diskursivnye struktury sotsial'nogo konstruirovaniya: migratsiya kak kontekst identifikatsionnykh ustanovok. In Vikulova, L.G., Serebrennikova, E.F., Gerasimova, S.A. *Vzaimodejstvie yazykov i kul'tur: ot dialoga k polilogu* (pp. 104–137). Moscow: Izdatelskij dom VKN.
- Vikulova, L.G., Kulagina, O.A. (2013). Natsionalnaya identichnost' v kontekste inakivosti: yazykovaya reprezentatsiya oppozitsii "svoi – chuzhie" vo frantsuzskoj literature XX veka (na materiale sbornika esse F. Moriaka "Chernaya tetrad"). *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta (Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoje obrazovanie)*, 2(12), 33–42.
- Grishaeva, L.I. (2007). *Osobennosti ispol'zovaniya yazyka i kul'turnaya identichnost' kommunikantov*. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet.
- Dostoevskij, F.M. (1993). *Besy*. Moscow: Sovremennik.
- Zababurova, N.V. (2007). *Frantsuzskij um i russkaya dusha. Rossiya i Zapad: izbiratel'noe srodstvo. Part 1. Zarubezhnaya literatura* (pp. 214–228). Rostov-on-Don: Logos.

¹ Здесь и далее библиографические записи в References оформлены в стиле *American Psychological Association* (APA) 6th edition.

- Karasik, V.I. (2021). Implitsitnost' v mezhkulturnoj kommunikatsii. In *Vzaimodejstvie yazykov i kul'tur: ot dialoga k polilogu* (pp. 172–195). Moscow: Izdatelskij dom VKN.
- Krasnykh, V.V. (2003). "Svoj" sredi "chuzhih": mif ili real'nost'? Moscow: Gnozis.
- Menyajlo, V.V. (2013). Problema identichnosti v romane Dzh. Faulza "Deniel Martin". In *Homo Loquens: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov* (pp. 185–191). Saint-Petersburg.
- Menyajlo, V.V. (2016). Reprezentaciya nacional'noj identichnosti v anglijskoj literature XX veka: traditsii i transformatsii. *Studia Linguistica*, XXV, 165–172.
- Nabokov, V.V. (1999). Fedor Dostoevskij. In *Leksii po russkoj literature* (pp. 175–220). Moscow: Nezavisimaya gazeta.
- Ozyumenko, V.I., Gornostaeva, A.A., Borisova, A.S. (2019). Identichnost' v sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniyah. *Guadernos de Rusistica Espanola*, 15, 87–99.
- Pishchalnikova, V.A., Stepykin, N.I., Adamova, Z.G., Khlopova, A.I. (2023). *Psiholingvisticheskij eksperiment i issledovanie identichnosti*. Moscow: Sputnik+.
- Tarasov, B.N. (1993). Vechnoe predosterezhenie. In Dostoevskij, F.M. *Besy* (pp. 5–26). Moscow: Sovremennik.
- Fenenko, N.A. (2001). *Yazyk realij i realii yazyka: monografiya*. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet.
- Chupryna, O.G. (2021). Identichnost' kak lingvisticheskaya i kul'turnaya problema. In *Vzaimodejstvie yazykov i kultur: ot dialoga k polilogu* (pp. 73–103). Moscow: Izdatelskij dom VKN.
- Chupryna, O.G., Kuzina, M.A. (2021). Strategii sozdaniya natsionalnoj recevoj sredy v "novykh anglijskikh" literaturah. In *Vzaimodejstvie yazykov i kultur: ot dialoga k polilogu* (pp. 218–239). Moscow: Izdatelskij dom VKN.

Сведения об авторе

Фененко Наталья Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии, Воронежский государственный университет, Россия, Воронеж, fenenko@rgph.vsu.ru

About the author

Fenenko Nataliya Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor of the French Philology Department, Voronezh State University, Russia, Voronezh, fenenko@rgph.vsu.ru